

нет вовсе на свете таких властей, которые имеют право на подчинение себе душ человеческих. Вы спрашиваете меня: как же я прожил до сих пор? А вот как: я никогда не жил как следует. В эпоху наибольшего развития сил (1857—1867) я не то что жил, а поддался жизни, подчинился искушениям; но я так измучился, что потом навсегда отказался от жизни. Что же я *делал*, собственно, и тогда, и потом, и что делаю теперь? То, что делают люди отжившие, старики. Я *берегся*, я старался ничего не искать, а только избежать тех зол, которые со всех сторон окружают человека. И особенно я берегся нравственно — совесть у меня слабая, беспокойная; сделать подлость или несправедливость для меня несносно.

А затем я служил, работал, писал, все лишь настолько, чтобы не зависеть от других, чтобы не было стыдно перед товарищами и знакомыми. Во время литераторства я помню, как я сейчас же останавливался, как только видел, что денег наработано довольно. Составить себе положение, имущество — я никогда об этом не заботился.

Так что все время я не жил, а только *принимал* жизнь, как она приходила, старался с наименьшими издержками сил удовлетворить ее требованиям и, сколько можно, уйти от ее невзгод и неудобств. За это, как Вы знаете, я и наказан вполне. У меня нет ни семьи, ни имущества, ни положения, ни кружка — ничего нет, никаких связей, которые бы соединяли меня с жизнью. И сверх того, или, пожалуй, вследствие того, я не знаю, что мне думать.

Вот Вам моя исповедь, которую я мог бы сделать несравненно более горькою». <sup>113</sup>

Еще, пожалуй, не исповедь, а, скорее, ее план, предварительный очерк, за которым последуют и другие очерки в разной тональности, — проблема нужного тона всегда волновала Страхова, и более всего, когда он касался внутренних сторон жизни, допускал читателя или собеседника в душу. В мае 1878 года он посылает Толстому поэтическое приложение к этому сжатому рассказу о себе, — вариации на темы стихотворения Тютчева «День и ночь»: «...я все забываю, что мое горе такое, которое нужно перенести, никогда никому не говоря. Жизнь положительно имеет две стороны.

На мир таинственных духов,  
Над этой бездной безымянной  
Покров наброшен златотканый  
Высокой волею богов.

Нужно жить на этом покрове; заглядывать в бездну бесполезно, ни к чему не ведет, кроме страха. Жизнь на покрове, дневная жизнь, царство Логоса, Христа (как толковал Соловьев на лекциях) есть та же настоящая жизнь. Тут и благородство души, и красота, и подвиг, и всякая радость и всякое человеческое достоинство. Несмотря на то, что покров полупрозрачен и через него везде больше или меньше синее бездна, мы по годам можем жить, не думая о бездне, не чувствуя ее присутствия. Так этому и следует быть. Я все пытался показать Вам, как в моей душе зияет часто эта бездна. К чему это? Никакого добра от этого быть не может». И, почувствовав, что увлекся, прибавил: «Ну, простите, я больше не буду». <sup>114</sup>

Толстого все эти поэтические параллели мало тронули. Может быть, даже раздосадовали. В ссылках на «бездну» он увидел желание обойти суть прямо поставленных им перед Страховым вопросов, которые Толстой с при-

<sup>113</sup> Там же. С. 432—433.

<sup>114</sup> Там же. С. 436.